

Анатолий
СОРОКИН

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГОЛУБАЯ ОРА

СЛЕД
ВОЛКА

Аннотация

Книга возвращает нас в 679 г., в начало одного, может быть, самого важного из этих жестоких событий, наполненных и кровавыми битвами, и поэтической любовью, и предательством. Один за другим бесславно гибнут первые предводители тюркского возмущения в Китае, отрубленные головы которых выставляются в Чаньане во Дворце Предков для устрашения других непокорных.

...Воин без племени — следующий третий еще только нарождающийся вождь отважных кочевников. Тюркское имя его тутун Гудулу, вошедший в историю кочевого прошлого как хан Кутлуг или по народному Счастливец.

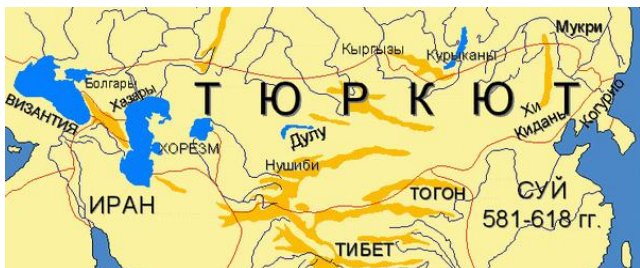
Анатолий Сорокин

След волка

Настоящая история наших предков и давние, канувшие в Лету времена, обнаруженные исследователями, иногда начинают напоминать не очень опрятную женщину, вдруг выставленную напоказ во всем своем непрезентабельном старомодном облике. И многим не хочется видеть ее такой неприглядной, уродливой, безобразной. Особенно — близким по крови ощущаемого родства...

Всю и во всем нашу историю, какой бы она ни была на самом деле, полюбить невозможно. И осуждать — занятие более чем бессмысленное, потому что это ИСТОРИЯ. Как не стоит ее выворачивать и переделывать исходя из самых благих намерений, потому что всё «мудро-тайное» и надуманное в подобных потугах неизбежно когда-нибудь становится явным. Любое изящно и хитроумно перелицованное прошлое все равно может однажды беспощадно ударить копытом того, кто коварно сотворяет над ним насилие и чья мораль — прежде всего привлекательность, так называемое национальное самовеличие, а потом уже истина.

(Из дневников скудного философа)

Народы Древней Сибири

ВАВИЛОНСКОЕ СКОПИЩЕ

И увидел Вершитель судеб, грустным взглядом окинув устремившуюся в ЕГО НЕБО Вавилонскую башню, сколько нечестивости вокруг странного сооружения, бесполезного человеку. И спросил своего Первосвященника царя Сущей Правды и царя Салимского Мелхиседека:

— Зачем они упорно стремятся на Небо, Мелхиседек?

— Ты, не знаешь, Творец? — удивился богов Священник.

— Гордыня! Снова гордыня! Я давал им вечную жизнь и вечный рай, положив печать запрета для их же блага совсем не на многое... В последний момент благословил Ноя построить Ковчег Спасения и взять в него по паре всякой живности. И скоро ты принес мне благодное известие, что род людской возродился и,

наконец, прозрел. Но в чем он прозрел, Мелхиседек? В желании встать вровень с Богом?

— Творец! Они молились истово тридцать три дня и тридцать три ночи!

— Всего тридцать три дня? И снова возжелали и взалкали, позабыв о грехе и неизбежном возмездии?

— И столько же бессонных ночей.

— Кому и ради чего, отринув и страх и клятвы?

— Они — твои дети. Не будь к ним жесток.

— Они — мои дети. И я должен быть с ними строг.

— Дав брэнному телу разум и душу, ты не можешь заставить их жить только праведно, ибо душа человеческая всегда будет искать и страдать, а разум — мечтать и жаждать. Разум — главная смута в сотворенных тобою двуногих тварях.

— В одномерной их общности я вижу много и вражды, и злобы, и прелюбодейства. Им вредно сбиваться в толпы. Пойди, разрушь их единый язык. Посмотрим, что выйдет из этого.

Первосвященник выполнил приказание Бога, и общий недавно язык исчез. И пошли вавилонские люди по свету, образуя отдельные народы и нации со своими обычаями и нравами. Башня-Стоп, оказавшись ненужной, от времени сама по себе начала разрушаться. А люди, скоро позабыв о неотвратимости божьей кары и возмездия за грехи, как ни в чем не бывало опять стали забывать своего Творца. Наблюдая вокруг много дивного, принялись поклоняться солнцу, луне, звездам, почитать огонь и разных животных.

Создавали их изображения, приносили им жертвы, возводили в их честь убогие капища и величественные храмы. И, породив убогих идолов своей новой веры, сделались язычниками, устрашающими друг друга только одним — Судным днем и гневом Небес.

Человеческую душу поражают не грехи, ее убивает СМУТА зависти и стяжательства, от которых избавления почти не бывает.

И с тех пор, по сути, мало что изменилось...

Глава первая В КИТАЕ

ЧТО РОЖДАЕТ ДОСАДА

Обещанный утром выход императрицы снова непредсказуемо задерживался. Вельможи, сановники, генералы, собравшиеся на совет, тревожно перешептывались и нервничали. Всех и замелькавшего в просторной приемной монаха Сянь Мыня, конечно же, в первую очередь интересовало главное — положение в Шаньси. Где тюрки и где армия генерала Кхянь-пиня? Но те, кто должен был знать ответ, — и военный министр, и шаньюй-управитель соответствующего правительственного крыла, объединяющего несколько палат, и сам Государственный секретарь,

подобно монаху на этот час, похоже, мало что знали. Утомившись ожиданием и пытаясь незаметно покинуть высокое собрание, Сянь Мынь неожиданно столкнулся с новым управителем дел князем Ван Вэем и почему-то вновь ощутил неприятное оцепенение.

Заглядывая монашествующему царедворцу в глаза и не особенно стараясь быть понятым с первых слов, кругленький и коротконогий вельможа с разопревшим лицом, по всему, поджидавший Сянь Мыня преднамеренно и долго, откровенно заискивая, говорил:

— Я проверил, Сянь Мынь, только в Палате чинов на самых высоких должностях сидело три тюрка! Зачем они нам, скрытно сеять вражду? Взятый в колодки столоначальник Ючжень Ашидэ показал о влиянии на него Тан-Уйгу. Есть другие важные признания, Сянь Мынь. Став достоянием недоброжелателей, они способны смутить Великую Непревзойденную. Не зная, как поступить, я искал с тобой встречи, но ты избегаешь меня.

— Князь боится пустых разговоров? — едко усмехнулся монах.

— Как не бояться, Сянь Мынь, и пустое имеет меру! Я не все понимаю, что надлежит совершать в первую очередь, а чего вообще не касаться. Я никогда прежде не жил при высоком дворе. У меня в голове... И хочу и боюсь! — взволнованно

говорил князь, взмокший от чрезмерного возбуждения.

Они были одинаковы ростом. Оскобленная до синевы, в синих извивах вздувшихся вен его маленькая головка рядом с крупной и тяжеловесной головой Сянь Мыня казалась несерьезной и словно бы детской. Тоненькая кожа на ней постоянно морщилась сама по себе и расправлялась. Вызывая неприязнь, шевелились длинные острые уши. Узенькие и юркие глаза князя из-под массивно нависшего подлбья, загнувшегося вверх густыми бровями, назойливо шарили по лицу Сянь Мыня, что-то упрямо искали. Он, беспрестанно размахивающий руками, до безобразия неряшливый в одеждах, которые вынуждены были постоянно поправлять, приводить в соответствие с этикетом двора и просто ради приличия, всюду следующие за ним слуги — они и сейчас поспешали за князем в благопристойном отдалении, — вызывали брезгливость и отчуждение. «Лучше бы тебе, излишне усердному, вообще ничего не понимать», — подумал с досадой Сянь Мынь.

В прежней дворцовой жизни князь не был замечен, скорее, он ее сторонился, ни наград, ни особенных привилегий согласно сану никогда не искал. Самовластно назначив князя на должность, будто над кем-то посмеявшись в свое удовольствие, императрица нисколько к нему не благоволила, не

терпела присутствия на важных заседаниях совета и дворцовых приемах. Об этом Ван Вэй не мог не знать и не мог не опасаться возможных печальных последствий подобного императорского каприза. Тем не менее, князь не был глуп и бездеятелен. Добравшись до власти по царственной прихоти, он, конечно же, старался ее удержать. Его противодействие присутствию во дворце тюркской знати было весьма заметным, и в этом Сянь Мынь оказывал иногда покровительство и поддержку. Но тюрк Тан-Уйгу оставался самой острой болью Сянь Мыня, самым уязвимым из всего, совершенного вокруг наследника, и поэтому монах не мог не вздрогнуть, услышав имя бывшего наставника принца.

Помимо собственной воли в душу монаха вливалась волна нового неприятного холода.

— Ван Вэй говорит о сыне старейшины Ашидэ-ашины? — спросил Сянь Мынь, как бы чего-то недопонимая.

Он подавал князю скрытый сигнал тревоги, но князь увлекся, не в меру жестикулируя руками, говорил нервно и шумливо, поспешным рассказом о совершенных деяниях против чаньяньских тюрок, невольно производя впечатление обратное тому, какое хотел произвести, о чем и сам без труда догадывался и чем заметно смущался.

Нет, неуклюжий, расхристанный князь был

вовсе не глуп, он был слишком прост и безыскусен поведением в новой среде. Он слишком долго искал этой встречи и, зная о влиянии монаха при дворе, должен был полностью высказаться. Люди подобного сочетания умственного склада и жизненного опыта опасны не излишней услужливостью и чрезмерным усердием, а этой вот неосмотрительной простотой и подчас неуместной искренностью, что князь в поте лица навязчиво проявлял. Не сомневаясь, что за ним внимательно наблюдают, Сянь Мынь должен был отстраниться от Ван Вэя, сделать вид, что князь мало ему интересен и что тревоги Ван Вэя не вызывают в нем ответного беспокойства, но не мог этого сделать. Кто знает, что еще может выкинуть князь? Сянь Мынь слушал его, морща толстокожий лоб и багровея страшным шрамом через всю голову. Слушал, лихорадочно соображая, как рассеять создающееся впечатление о деловой близости с князем-управителем, смягчить глупые подозрения о тюрках-врагах при дворе, о которых князь беспардонно громко вещает.

— Я только что из подземелья, Сянь Мынь. Сейчас дают показания о тайном сговоре между собой и наследником несколько других не менее знатных тюрков, — торопясь, говорил управитель, не в силах остановиться, — и все признают влияние на них наставника нашего наследника. А еще

говорят о монахе Бинь Бяо, также способном поддаться дикому волку Степи.

«Так вот с Бинь Бяо и начни! — мысленно обращался монах к Ван Вэю. — С Бинь Бяо, дурак, начинай, не с тюркского княжича, который в подобных делах сосунок и теленок. Куда ты суешь свой бесчувственный нос?»

Но сказать такое глупцу — на глазах у двора и высших вельмож признаться в собственных ошибках в выборе воспитателя будущему наследнику императора. Но стоит ли, хотя, конечно, вина есть. Он просто не все предусмотрел, как следует, не довел до логического завершения. Но он еще в силе! Иначе бы их беседе так сейчас не внимали с раззявленными ртами. И У-хоу, слава Небу, при власти! В поединке с судьбой он еще не сказал последнего слова!

Осторожность мыслей и высказываемых вслух рассуждений при ощущении опасности не всегда проявляется достаточной мудростью в действиях. Давно изучив тайные пружины различных противостояний, дворцовых интриг и заговоров, Сянь Мынь не мог не уяснить, что в борьбе за власть двух победителей одновременно, если не заключен расчетливый сговор между самими соперниками, просто не бывает. Открытие зиждилось не на богословских учениях о власти и праве на власть, а на мирском опыте и

представлениях, которые он познавал и усвоил в совершенстве. Обычная дворцовая власть никогда не была ему чуждой хотя бы уже потому, что всяким переустройством и преобразованием не могла не затрагивать его веру в Просветление и не решать судьбу этой веры и в Поднебесной, и в Степи. Да, он давно перестал быть просто монахом, приставленным к императорскому гарему, к влиятельнейшей из наложниц. Он стоял рядом с правительницей, вылепив, сделав ее за долгие годы усилий такой, какой она стала, и должен вести ее дальше. Так ему выпало. Встав над коварным, но во многом слабым созданием, подчинив своей духовной воле, тем самым он поднялся и над единоверцами, поэтому должен думать не о сути глубинных устоев монашеских общин и монастырей, а о сути наивысшей Божественности, призванной вразумлять и высоких управителей и повелительницу. Его предназначение и судьба — не с богами беседовать, укрепляя в себе Святость и Просветление, не с зашоренными мистиками, вознесшихся на гребень власти случаем не без его усилий, а с повелительницей, укрепляя в ней Дух Высшей Силы, Дух Великого Будды-Гуру.

Князь-управитель казался настолько взволнованным и распалившимся, что его горячий шепот обжигал монаха.

— Князь, — издали начал Сянь Мынь, — если

встречи двух-трех тюрок, их уединенные беседы о собственной судьбе считать началом заговора, можно стронуться в разуме. Вот и мы с тобой как бы шепчемся, а за нами, смотри, наблюдают. — Доверительность, которую неумело проявлял новый императорский управленец, ранее не занимавший высоких государственных должностей, раздражала, монах изредка тер пухлой рукой пылающий шрам и морщился. Но более всего раздражало, что князь провел дознание, не согласованное с ним, а теперь пугается, что узнал. Отринув приличия сана, Сянь Мынь сказал грубо и резко: — Действия каждого знатного тюрка Чаньани мне достоверно известны. Разве кто-то из тех, кого ты бросил в зиндан, готовился перекинуться в Степь к тутуну? Но ты и подобные торопыги такое способны ускорить.

— Тюрки — наши враги! Чаньань ими кишит! — взмокая под жестким взглядом первого советника императрицы, задышался от волнения встрепанный князь.

— Тюрки Чаньани — сторонники Поднебесной в большей мере, чем иные наши генералы. Сейчас время ослабить узду некоторым инородцам, — сдерживая гнев, наставительно поучал монах, в невольном сомнении, как бы бестолковый князь вдруг не сменил прежнего отношения к злосчастным инородцам, томящимся в

подземелье, будто бы ранее ненужными и вдруг ставшим предметом острой необходимости.

— Сянь Мынь, опасно шутить с огнем! — не понимая осторожной игры монаха, продолжал возражать князь.

— Князь, на то и разводят жаркий огонь, чтобы взять больше тепла, а потом вовремя укрощают, когда он грозит стать пожаром! Ищи заговорщиков среди вельмож, генералов, принцев крови. Среди юных принцесс, наконец, не выданных замуж. Здесь кубло всяких свар, тюрков на время оставим в покое. — Мягкие, вроде бы успокоительные слова, которые пытался вытолкнуть из себя главный блюститель веры, не вязались с его внутренним напряжением, поиском выхода, средства, способного устранить возникшую опасность, и он вдруг вернулся к началу беседы: — А этот княжеский отпрыск?..

— Ючжень Ашидэ? Сын князя-старейшины Ашидэ-ашины — ты о нем? Но к нему в последние дни зачастил евнух Абус и взял допрос на себя. Меня отстранил. Сянь Мынь, какое дело ему до тюркского князя? — воскликнул Ван Вэй, смахивая со лба липкий пот.

«Абус? Кто поручил?» — Опасность становилась ощутимой. Необходимо было что-то предпринять. И немедленно.

Сохраняя выдержку, монах с показным

равнодушием произнес:

— Однажды князь пригодится. Может быть, самой У-хоу. Не переусердствуй, и намекни об этом Абусу. А впрочем... — Он хотел в привычной для себя и резкой манере произнести, что сам сейчас пойдет в подземелье и расставит все на нужные места, и не решился. Тело его словно бы стиснули странными клещами, которыми пытаются строптивых узников, и он только фыркнул в досаде — Палач-дознаватель! Ну, времена!

— Сянь Мынь, я что-то сделал не так? Что я сделал не так?

Заискивающие откровения и явная обеспокоенность управителя были опасны уже тем, что прямо и недвусмысленно называли в числе заговорщиков Тан-Уйгу, приставленного к юному наследнику им, Сянь Мынем, и все более раздражали монаха. Кто сейчас в подземелье дает показания? Какие и на кого? Подвешенный с вывороченными руками на цепях может сказать что угодно.

«Как же ты глуп в своем усердии!» — одолеваемый досадой, поглядывая на князя исподлобья, хотел бы воскликнуть монах, но пересилил себя и, напустив равнодушие, произнес:

— Тех больше нет, кто были самыми непримиримыми среди наших высокородных и генералов. Этим тюркам... Ты прав, зачем они нам,

прикажи отрубить поскорее им головы, больше не мучай. Изменника Тан-Уйгу я достану сам. Расскажи лучше об известиях из Шаньси, я слышал, там что-то случилось.

Добившись огромной власти, научившись ее удерживать, Сянь Мынь оставался всегда осторожным и холодным по отношению к ней. Он отчетливо сознавал, кому и за что обязан этой властью, замешенной на молчаливом долголетнем сговоре с той, кого ловко возвел на трон, из обычной рабыни-наложницы одного властелина сотворив повелительницу другого.

Он всегда жил тревогой и понимал опасность, условность этого расчетливого содружества и его неудобства.

Надежные, внешне похожие на кованые цепи, подобные сговоры остаются, по сути, непрочными, утяжеляя вечную тревогу. Лишь молодой тюрк, наставник принца, в последнее время, обнадеживал монаха некоторыми надеждами и вселял уверенность в будущем проверенным помощнике. Все прошлое, включая Тайцзуна, глухой тибетский монастырь с таинствами, обрядами, совершенствованием тела и духа, магическими и прочими, далекими от настоящей духовности, экзальтациями, давно угасло в Сянь Мыне, утратив первооснову высокой цели. Молодой гвардейский офицер, жаждущий громких побед, которого он

заприметил однажды на ристалище боевых единоборств, стал его слабостью и как бы внебрачным сыном самого Просветления.

Заметив большую силу в нем, скрытые желания, познания и ум, которыми владел Тан-Уйгу, он пригрел юношу не без умысла, отправил на суровое обучение в горный монастырь, возвысил по возвращении, добившись высокого военного чина, и никогда не сомневался в преданности.

Он позволял ему значительно больше, чем другим послушникам, будучи убежденным в блестящих способностях приблизиться к будущему императору. Умело подогревал его честолюбие, надеясь тонко использовать впоследствии, когда не станет надоевших ему, возможно, самой У-хоу.

Ведь и ее когда-то не станет.

А еще он многое позволял Бинь Бяо — наиболее приближенному из друзей-монахов. И вот оба они его предали — Тан-Уйгу и Бинь Бяо. Предаёт и та, кого он сделал сравнимой лишь с солнцем и готов сделать сравнимой лишь с Буддой, назвав Дочерью Будды.

В том, что всякой власти народ нужен послушный, терпеливый и властью терпимый, Сянь Мынь давно не сомневался; правитель, не умеющий добиться подобного равновесия терпеливости и терпимости, полного послушания толпы, вынужден

действовать принуждением или бесславно исчезнуть. Но вера — его чистая вера — всегда над властью. Ее каноны должны быть просты и для власти, и для первичного понимания уверовавшего, но бесконечно просторны изощренному в многомудрой схоластике создающему ее рассудителю.

Что еще он должен дать им, возвышенным верой, но падких на власть, жаждущих абсолютного верховенства и в нужный момент не умеющих ее взять? Почему всякий неглупый и сильный стремится к самовозвеличению, пренебрегая нередко тем, чего достиг рядом с более сильным? Почему сильным и неглупым быть вместе однажды становится невыносимо и тесно?

Никогда монах не ощущал такого жадного желания встретиться с У-хоу, возбуждающей беседы с ней, изъедающей жажды возвышать, наставляя, и обоготворять ее дальше. Что ей в каком-то евнухе, которым она решила отгородиться от него, ее наставника с юных лет?

Для чего старый князь из далекого прошлого, которого Великая срочно повелела найти Абусу? Чем этот состарившийся князь стал нужен опять, и что за игру она снова задумала?

Вопросов у монаха даже к самому себе было больше, чем ответов, и от Ван Вэя не получить.

Не стараясь понимать происходящее,

участвовать в нем, простой ум иногда сам по себе с невольной прозорливостью все это совершает, поскольку вдруг получает случайный сигнал тревоги. Что-то, коснувшись его неожиданно, словно бы пробуждает, пугая близкой утратой, и возбуждает протест. И подобный протест, рождая отчаянное желание противодействовать складывающимся обстоятельствам, не давал покоя Сянь Мыню.

* * *

В дальнем широком проеме залы промелькнула фигура Абуса с двумя стражами, и часть толпы хлынула на него.

— Где Великая?

— Абус, что в Шаньси? Когда генерал Кхянь-пинь даст сражение?

— Увидим ли мы Солнцеподобную?

— Я выполняю поручение Великой правительницы. Ожидайте. — Тоненький голос черного великана-евнуха и особенно его беглый взгляд, нашедший монаха, добавили Сянь Мыню беспокойства.

«Он и не думает скрывать, что исполняет срочное поручение. Ему поручили! Что поручили? Дознание чего-то в отношении князя Се Тэна? Юноши-тюрка? Абус умеет вести допросы.

Подвесит на крюк, словно тушу кабана, подпалит пятки огнем...»

Выдержка изменяла, в голову полез всякий бред. Угнетенность и беспокойство по поводу тайных расследований в подземелье дворца усиливалась. Но сейчас верткая мысль его металась совсем не в каменных камерах и не среди криков подвешенных на дыбу. Отринув происходящее в подземелье, она устремилась на верхние этажи дворца.

«Я должен увидеть Великую! Слишком долго мы не встречались. Должен! И раньше других, которые что-то задумали с глупой подачи Ван Вэя. Иначе может быть поздно. Ах, глупый ты, князь! — Но это была только часть его глубокого смятения, и самая близкая. Другая, как бы отстранившаяся от практичной и хваткой, вовлекала в рассуждения совсем будто бы не важные, не к этому часу, и страстно нашептывала: — И совсем не признания под пытками, не заговоры и наветы, он, сам живой разум, вовлекает все наше тело в новые испытания. А что же предшествует этому, команде, получаемой нашей разгоряченной головой? — словно бы вгоняя в транс, зарождалось и путалось в Сянь Мыне. — Откуда она? Кто или что посылает ее? Что это — острая мысль, похожая на вспышку света, не видимая и не слышимая никем, включая обладателя плоти, в которой она возникает? Я не хочу видеть

Великую или все же хочу? Если желаю, то должен достичь. Что это во мне, если не Дух Посещающий и Улетающий? Дух-тенгрий, дух-тось, дух-дьявол? Сколько их в каждом из нас? В чем сила над нами? Нужно ли побеждать и противиться, если тут же приходят иные? В конце концов, смерть — предначертанная закономерность. Разве этого неизбежного нужно бояться? Что в бесконечном, во тьме бесконечного и пустого — ведь это есть бег сокрытого, которое не дано услышать, но догадаться о котором возможно любому. Увидеть князя Се Тэна — услышав, или увидев — услышать и осознать?.. И обретешь высшую власть, ибо сам станешь Духом над мелкими духами несовершенного».

Решение пришло как всегда неожиданно, кажется, он опять его выстрадал.

Оно пробило само по себе: Учитель — вот кто нужен ему. Надо срочно навестить Учителя.

Он утомился своим возбуждением, устал блуждать в бестолковых догадках и предположениях, заломило в висках.

— Я не успел пристроить своих людей близко к генералу Кхянь-пиню, но то, что доносят вообще из Шаньси, меня беспокоит, — бубнил князь-управитель, не обращая внимания на тяжелую задумчивость, охватившую Сянь Мыня.

— Что же такое тебе доносят? —

сардонически усмехнулся монах.

— Презирая и ненавидя тюрок, Черного Волка пустыни, некоторые заинтригованы желанием тутуна придти на помощь наследнику. Втайне их это радует. Они злобно шепчут: «Всыпал бы им этот Волк!»

— Всыпал бы им этот Волк? — словно бы удивившись, произнес Сянь Мынь и непривычно громко рассмеялся, снова привлекая пристальные взоры придворных, покинутых поспешно скрывшимся Абусом. — Вот и высылет он вам... если еще не высыпал.

А мысль нашептывала:

«Абус... Нелишне бы присмотреть».

За ним наблюдали внимательней, чем он предполагал, от его неестественно громкого смеха зала пришла в движение, обступив плотно, их с князем стеснили так, что трудно стало дышать.

Новые министры, которые своим провинциальным обхождением, неумением в меру, непринужденно важничать, показались похожими на встрепанного князя Ван Вэя.

Зашевелились неподобающе вольно и тоже надвинулись толпой новые столоначальники, половину из которых Сянь Мынь знал плохо и презирал только за то, что они были назначены без согласования с ним.

И два новых предводителя важных Палат,

хотя и более сдержанно, но не менее навязчиво старались попасться ему на глаза.

Он смотрел на галдящее скопище, наполняясь ледяным высокомерием, и видел в каждом нескрываемый страх, десятки вопросов.

Страх перед ним, способным, быть может, завтра уже, как только фортуна-судьба вновь обернется к нему лицом, отправить любого в небытие. О-оо, его тайная власть во дворце давно не была каким-то секретом.

— В саду одного храма недавно возникли слезы на красных цветах. На красных. Ночью. Было душно, и розы плакали. — Он едва сдерживал себя, чтобы не закричать во все эти мерзкие рожи, напряженные страхом, нечто иное, оскорбительное. Изрекая вслух одно, Сянь Мынь мысленно изощрялся в других выражениях. Все перед ним становилось багрово-черным.

Заныл вздувшийся на голове шрам, и Сянь Мынь с силой его потер, вроде бы как пригладил.

— Сянь Мынь, где Солнцеподобная? Почему ты больше неходишь в покои, как прежде входил? — посыпались со всех сторон вопросы.

— Почему мы редко видим Великую Непревзойденную?

— Сянь Мынь, мы можем проиграть сражение в Шаньси?

Они не хотели слышать его — монаха.

Весь этот сброд, возвеличенный мелкомстительной императрицей, жил страхом и ужасом перед тюрками.

Над ними не было власти, что приводило их еще в больший трепет.

— Монах не предсказывает. Он не способен предсказывать — он только учит любить своего бога. Но я не знаю, кто ваш бог. Кто вы такие? Кто из вас кто?

Призывая к тишине, Сянь Мынь вскинул руку.

Но тишины не возникло: слишком взволнованы и напряжены были вельможи, грозно и укоризненно звучал голос монаха. Чем-то пугал поспешно скрывшийся евнух. Все вокруг порождало растерянность, вызывающую нескрываемое презрение, написанное на лице монаха.

— Где генерал Кхянь-пинь? Почему от него нет сообщений? — кричали ему требовательно.

— Подобно каждому, я могу ощущать, но большего я не знаю, — выдержав паузу, ответил Сянь Мынь, удовлетворенный эффектом, который он произвел на толпу, взбаламученную его появлением и его словами.

Решительных действий генерала Кхянь-пиня, удачного сражения с тюрками за Желтой рекой ожидали во дворце, конечно, не все — Сянь Мынь это знал и без подсказки Ван Вэя. Несмотря на

внешнее охлаждение суровой правительницы, с ним считались всегда и боялись всегда, обычно с заведомым умыслом и преднамеренно при случае бессовестно кляузничали и постоянно что-то нашептывали, подобно князю Ван Вэю. Его нервный вскрик о плачущих розах вызвал не просто волнение вельмож — он зародил надежду в одних, привел в замешательство других, и всем одинаково монах стал нужен. Столпившись вокруг, оттеснив невзрачного князя Ван Вэя, продолжали чего-то настойчиво требовать. Но чего, Сянь Мынь так и не понял.

— Я должен вас покинуть, отпустите меня, — просил он, стараясь выглядеть как можно беспомощнее. — Расступитесь, я должен вас покинуть!

Голова его вспотела, багрово-сизый шрам накалился и заметней вспух, глаза напряглись. Еще недавно он предчувствовал нюхом гончей собаки, что теряет верный след близкой добычи, за которой так долго и азартно гнался; теперь же, увидев рядом жалкую толпу, омерзительную в ничтожном страхе, Сянь Мынь на глазах изменился, и все разом замолкли, заметив эту властную перемену.

— Князь Ван Вэй! Где управитель дел? — взвизгнул сердито Сянь Мынь. — Ты где, князь Ван Вэй?

В мгновение в нем прояснилось, остался лишь

внутренний холод от беседы с Ван Вэем, ударивший благостно и освежающе в голову. Вскинув руку, Сянь Мынь снова потер ноющий шрам и придавил, словно подавляя и убивая бунтующее в самом сознании.

Расступившись, к нему пропустили растерянного и взмокшего князя.

— Ван Вэй, спустимся в подземелье к тюрку-столоначальнику Палаты чинов. Проводи, — обретая благотворное желание немедленных действий, готовый к новым свершениям, пока загадочным для остальных, бросил сухо монах.

И стремительно засеменял сквозь толпу.

Перед ним расступались, шепотом спрашивая стоящих вблизи:

— Он сказал — в подземелье?

— Он пошел к тюркскому князю?

— Вслед за Абусом?

— О-оо! Сянь Мынь может все!

Освобождая ему путь, вельможи внушительными фигурами теснили друг друга, подобострастно шикая на слишком шумливых.

РАСПЯТЫЕ ЦЕПЯМИ

До помещения, в котором содержался отпрыск старейшины Ашидэ, монах не дошел. Остановил неестественно дикий крик. За железной решеткой,

прикованный цепями к потолку, висел изможденный князь-советник несостоявшегося императора. Рядом находился Абус. Каморка была тесной и низкой, князь почти доставал до пола большими неестественно вытянутыми пальцами босых ног, пытаясь ощутить самую незначительную опору. Два крепких стража-палача, недавно сопровождавшие Абуса через императорскую залу, нанося удары по этим закопченным синюшным ногам, время от времени подсовывали под них наполненную углями жаровню. Князь вскрикивал, вздергивался, как ужаленный, но висеть без опоры было мучительнее, и он, пересиливая боль ожогов, исходящую от раскаленных углей, вынужден был опускаться в них и дико кричал.

Монах поморщился и произнес:

— Приветствую тебя, высокородный князь. Муки страданий иногда приносят нам облегчения. Ты назвал имена всех заговорщиков?

— Какой заговор? Разве я приказывал арестовывать наставника Тан-Уйгу и монаха Бинь Бяо и направил в Ордос гонца? Сянь Мынь!.. О, Сянь Мынь, я изнемогаю. Когда ты придешь говорить со мною в последний раз? — с трудом признавая монаха, вскрикивал подавленно князь, удивив, о чем просит, как бы желая скорейшего конца мучениям и пыткам.

Пахло паленым мясом, и не ощущалось

присутствия крыс, к которым у Сянь Мынь было повышенное чувство брезгливости — крысы ему казались всегда дьявольским перевоплощением сварливых и склочных женщин.

Почему именно женщин, Сянь Мынь не знал и особенно не задумывался, так прижилось когда-то, так представлялось из какого-то далекого детства, где, должно быть, его сильно обижали, и в том, что женщины вообще... крысы, у него сомнений не было.

Его плоть не была развращена немонашескими плотскими забавами, кроме божественного тела повелительницы, других он не знал, но и того, что знал и прочувствовал, ему было более чем достаточно, чтобы возненавидеть и сами утехи, и ненасытную потребность в них безумствующего женского тела.

Особенно, когда собственное состарилось, немощно, но требуется и требуется, его продолжают мучить, терзать, побуждают возбуждаться и совершать, к чему оно уже охладело и утратило чувственность.

«Нет, все женщины крысы, — подумалось монаху произвольно и брезгливо, и чтобы избавиться от неприятных видений, замелькавших отталкивающими сценами собственных истязаний и мук, он заставил себя сосредоточиться на орущим во всю глотку князе Се Тэне, и мстительно

подумал: — И ты крыса, Се Тэн. Хищная крыса в чужом подполье. Не захотел играть по правилам, получи».

Толкнув тяжело заскрипевшую решетку камеры и поморщившись, переступая порожек, монах подал властный жест убрать из-под князя жаровню, насмешливо произнес:

— Отважный князь Тэн очень спешит на тот свет? У тебя там дела?

— Я устал называть под пытками имена ни в чем не повинных людей. Разве подобные истязания не противны твоему Богу?

— Моему? А у тебя бога нет?

— Мой бог — мое славное прошлое, над которым вы насмехаетесь, всячески унижая нечеловеческими пытками!

Сянь Мыню не терпелось остаться с князем с глазу на глаз, но сейчас Абус был нужен, и монах, больше не желая облегчить участь узника с острой... крысиной мордочкой и редкой щетинкой усов, назидательно и ворчливо произнес:

— В прошлом ты видишь только Тайцзуна? Князь, какой это бог? Где он сейчас?

— В сердцах тысяч и тысяч! Он будет даже тогда, когда тебя и меня пожрут земляные черви, Сянь Мынь!

Навязчивое видение крыс оставалось устойчивым, не разрушалось, и монах мстительно

подумал: «Крысы тебя пожрут, Се Тэн, а не черви. Черви для тебя — слишком щедро с моей стороны».

Ноги князя были поджарены изрядно. Кожа на них полопалась и завернулась лохмотьями, стоять на них Се Тэну было непросто.

Но и поджав их, висеть на вздувшихся руках, было ему не под силу.

Превозмогая нечеловеческую боль, насколько было возможным, князь пытался всем, что оставалось живым, выглядеть как можно достойнее в создавшемся положении, что ему в какой-то мере еще удавалось, поражая монаха незаурядным терпением и не сломленным духом протеста.

Лишь исполненный страданий взгляд распятого на цепях, истерзанного пытками бывшего вельможи говорил о непереносимых муках.

Он проникал в монаха, но жалости и сострадания не вызывал — черствую душу мольбой о сострадании редко проймешь.

И все же Сянь Мынь опустил только что гордо вскинутую голову и, словно бы в оправдание чему-то, что выше его, монаха, и монашеских обязанностей, пробурчал надменно и, скорее, для Абуса, чем для несчастного узника:

— Князь, крамола и государственная измена во все времена изощрены.

— Изощренней становятся только пытки. Я жду тебя каждую ночь, Сянь Мынь. Я стар, терпеть

подобные унижения.

— У тебя есть что-то сказать, чего я не знаю?

— Монах, ты знаешь мало? Тебе не с чем сравнивать?

— Ты о чем, князь?

— О прошлом и настоящем. О том будущем, в котором вашими с У-хоу временами станут пугать детей. О том, что ты, ложный служитель Неба, боишься услышать, — выкрикнул князь, не смотря на нестерпимую боль, и словно бы, получив желанное облегчение, поражая монаха выдержкой, тверже встал на кончики ног.

И не только с вызовом встал, но и несколько выпрямился, удовлетворенный, что способен в присутствии всеильного монаха держаться гордо и независимо.

— Князь решил, что только он в ответе за будущее? Се Тэн, мне тебя жаль.

— Не бесчесть, монах, мое имя, которое уважал великий Тайцзун!

— Ты хочешь лишь сохранить добрым и благочестивым свое имя и честь или... еще чего-то хочешь?

— Сохранить честь Китая. Хочу покоя Китаю, как было при великом полководце Тайцзуне, о чем должен помнить и ты. Сберечь для потомков уважаемым имя великого императора, которое вы обесчестили, наложив табу на само его

произнесение вслух, — говорил князь, точно бросал в Сянь Мыня булыжники о том, что в подобном состоянии произносить не каждому придет в голову. — Тысячелетняя держава знала десятки властвующих династий, но династия Тан, тебе ненавистная, одна из сильнейших. Не разрушайте вечное, что создавалось не вами! Вас проклянут! Остановитесь!

— И поджаренный ты буйствуешь, князь, а подобное буйство сродни глупости... Тебе не о чем больше просить? — досадливо проворчал монах, без труда понимая, что проигрывает князю словесный поединок.

Князь Се Тэн был известен крепким и устоявшимся духом, при Тайцзуне звезд с неба не хватал, большими армиями не командовал, но имел репутацию прямого и твердого человека, таких сломить удается редко — если вообще удается. И, уж конечно, не пытками... Хотя от боли и пыток люди кричат одинаково дико, кажется, вот-вот готовы сломаться, да иные, вот, не ломаются, принимая смерть как спасение собственной чести. Их вера в идеалы не только упряма, но и жертвенна, чему Сянь Мынь, недоумевая, безнадежно завидовал, и мечтал иметь подобных сподвижников. Но с такими ни посулами, ни соблазнами не поладить, и Сянь Мынь несколько не сомневался, что конец князя неизбежен и

предреши его поведением, и должен стать поучительно полезным для других непокорных. Что князь едва ли подозревает: напомнив о себе, он только этим предрешил и судьбу, и конец мучениям, в чем Сянь Мынь непременно поможет.

Помогать страждущим — первая заповедь служителя Неба.

Непременно поможет.

Пора Се Тэну, пора! Пусть исчезнет в бездонном царстве мрака и там восхваляет своего великого Тайцзуна, оставив им с У-хоу право на будущее.

Долгий пронзительный взгляд монаха, устремленный на князя, сказал больше, чем нужно. В этом холодном взгляде Се Тен увидел презрение к себе, недальновидному вельможе высокого положения, и окончательный приговор.

Это был взгляд-убийца — повелителя смерти.

Взгляд хладнокровного мстителя, которому князь не покорился.

Князь, презирая боль, пронзающую тело его и ноги, твердо упершиися в каменный пол кончиками обгорелых и кровоточащих пальцев, преодолевая неприязнь к монаху, снова собравшись с силами, заговорил о самом важном теперь для себя.

— Монах, моя юная дочь! Пожалейте хотя бы ее!.. если ты все же монах, а не дьявол, — произнес он, приглушив на мгновение гнев и ярость в

собственных глазах, направленных на Сянь Мыня, словно, надломившись в неравной борьбе и уступая противостоящей силе. — Разве не ты выбрал Инь-шу для наследника, и разве я не высказывал несогласия? Сянь Мынь, я сожалею, что у тебя нет детей и тебе не понять моей боли.

Князь был прав. Он убеждал Сянь Мыня выбрать в жены наследнику другую принцессу, но наследник другой не захотел, и монах ему сознательно уступил. И зря уступил: с принцессой тоже придется покончить — в подобных державных делах сочувствия и сострадания не существует, а последствия бывают крайне печальными.

— Князь, у тебя есть возможность сохранить честь, умерев по своей воле, я могу оказать тебе подобную честь, — с чувством неожиданной искренности произнес монах, снова пронзительно уставившись на обреченного князя.

— Мы не в Японии, харакири у нас не принято. Подобная смерть для человека моего положения — хуже бесчестия, ты не знаешь, Сянь Мынь? Каждый из моего рода чтит и чтит кодекс родовой доблести, и не мне подвергать ее незаслуженным испытаниям.

Да, Се Тэн был упрям, такие позора не приемлют, но, пожалуй, уступить он сейчас, Сянь Мынь, не задумываясь, помог бы в другом, немедленно отправив сломавшегося князя в ссылку